

Книга Д. Стоктона посвящена одному из выдающихся политических деятелей и вместе с тем крупнейшему писателю и оратору времени гражданских войн в Риме — Цицерону. Многочисленные исследования, касающиеся этого периода римской истории, можно разделить на две большие группы. Первая затрагивает проблемные вопросы, вторая включает в себя биографии Цезаря, Цицерона, Помпея, Суллы и др. Из них Цицерон по числу посвященных ему исследований занимает одно из первых мест, уступая, быть может, только Цезарю и Августу¹.

В небольшом предисловии автор достаточно четко формулирует свои задачи. В центре внимания исследователя находятся не политические события прошлого, а скорее личность самого Цицерона. Преимущественный интерес для Стоктона представляет политическая карьера знаменитого оратора, которая, по мнению автора, и была ключом к пониманию личности Цицерона. Таким образом, литературная деятельность Цицерона в трактовке Стоктона оказывается вторичной по отношению к политической. Автор неоднократно возвращается к этой мысли. Не отрицая определенной политической направленности трактатов Цицерона, он однако, считает, что прежде всего это были произведения, написанные во время периодов вынужденного отстранения оратора от политики. В целом это суждение вполне приемлемо. Ни один из исследователей деятельности Цицерона (даже те, кто считает его политическим идеалистом) не ставит под сомнение, что Цицерон-политик определял взгляды Цицерона-философа. Однако, уделив столь мало внимания литературной деятельности Цицерона, Стоктон не учитывает факт обратного влияния Цицерона-философа и, если так можно сказать, «социолога» на Цицерона-политика.

Книга Стоктона — подробное, основанное на источниках (прежде всего письмах Цицерона) изложение практической деятельности оратора. Между тем сам выбор личности Цицерона определил тот факт, что книга содержит и ряд теоретических оценок. Особенно интересна в этом плане II глава, в которой автор дает общую характеристику политической атмосферы Рима к моменту вступления Цицерона на политический путь. Отметим здесь ряд моментов, кажущихся нам наиболее интересными. Стоктон указывает на отсутствие цельной письменной конституции в Риме. Подобная ситуация создавала возможность конституционных конфликтов, в том числе и таких, когда формальное право становится в оппозицию к обычаю (стр. 21—25, эта мысль неоднократно повторяется и далее). Затем идет разбор вопросов о противоречии полиса и Империи, о проблемах римского гражданства, реформе Мария, новом положении армии, оптиматах и популярах и т. д.

Перейдем, однако, к рассмотрению основного содержания книги. В главе I («Молодой человек из Арпина») автор рассматривает начальный период политической деятельности Цицерона. Автор полемизирует с Ж. Каркопино по поводу речи «За Рос-

¹ Из работ последних лет см., например, M. G e l z e r, *Cicero*, Wiesbaden, 1969; K. B ü c h n e r, *Cicero. Bestand und Wandel seiner geistigen Welt*, Heidelberg, 1964; J. V o g t, *Cicero's Glaube am Rom*, Darmstadt, 1965; R. E. S m i t h, *Cicero the Statesman*, Cambr., 1966; С. И. У т ч е н к о, Цицерон и его время, М., 1972.

ция Америкейского» (стр. 9—11). Стоктон оспаривает его мнение о том, что Цицерон был втянут в крупную интригу нобилитета против Суллы. Главы III и IV («Disertissime Romuli nepotum» и «Consul designatus») посвящены периоду с конца 70-х годов до избрания Цицерона консулом. Подробно разбирая процесс Верреса, автор, однако, на наш взгляд, несколько преувеличивает его значение, считая, что выступление Цицерона было требованием «умеренной административной и конституционной реформы» (стр. 43). Безусловно, Цицерону были не по душе действия Верреса в провинции, процветающие там коррупция и грабеж, что видно не только из «Веррина», но и на примере деятельности Цицерона в Киликии. Однако едва ли есть основания для столь ответственного утверждения, как это делает Стоктон. В центре обвинения оратор ставит преступление Верреса против римских граждан, защищая в конечном счете право неприкосновенности только римского гражданина. В речи «За Фонтея», по замечанию самого Стоктона, Цицерон выступал в сходной ситуации, но уже не обвинителем, а адвокатом. Защищая Фонтея, он ссылается на то, что потерпевшими оказались провинциалы, а не римляне (стр. 49). Наконец место из I «Веррины» (Verg. I, 47), приводимое Стоктоном в защиту своего взгляда, допустимо рассматривать лишь как ораторский прием с целью завоевать расположение судей. Несмотря на это, можно согласиться с автором в общей оценке Цицерона в этот период как сторонника весьма умеренных реформ и Помпея (стр. 57, 62), позднее превратившегося в защитника установившегося порядка (стр. 72). Впрочем, эта эволюция вправо отнюдь не носила радикального характера, политические идеалы Цицерона в 70-е годы мало чем отличались от его убеждений десять лет спустя. В частности, Стоктон считает, что зарождение лозунга *concordia ordinum* происходит уже в самом начале 60-х годов.

Важное место занимают главы V и VI («Консулы» и «Катилина»). Кроме того, к ним примыкают приложения A и B, касающиеся хронологии заговора и заседания сената 5 декабря 63 г. Эти главы имеют особое значение еще и потому, что именно этот год, считает Стоктон, во многом определил дальнейшую карьеру Цицерона (стр. 334). Едва ли можно принять оценку движения Катилины в этих главах. Автор присоединяется к мнению ряда исследователей, которые пытаются доказать, что Катилина был социальным и политическим реформатором (стр. 101). Между тем, на наш взгляд, заговор Катилины имел мало общего с движением за социальные реформы. Ограничимся хотя бы некоторыми замечаниями.

В программе Катилины фигурируют лозунги едва ли демократического содержания. Предполагаются резня богатей и конфискации (Sall., Cat. 21, 35; Liv., Ep. 102; Flor. IV, 1), распределение магистратур (Sall., Cat. 21), а возможно, что областей и провинций между вождями заговорщиков (Cic., c. Cat. II, 3). Лозунг кассации долгов, который и служит автору основанием для того, чтобы считать Катилину демократическим реформатором, был выгоден прежде всего разорившимся нобилим, друзьям Катилины (Sall., Cat. 21, 35). Тот факт, что долговой кризис охватил и значительную часть низов населения, можно считать совпадением интересов, давшим почву для демагогии Катилины. Едва ли можно говорить о поддержке Катилины широкими массами. Даже Цицерону приходилось призывать, что силы врага незначительны, а кто бы мог быть более заинтересован в доказательстве обратного? Об этом часто говорит и Саллюстий (Cat. 39, 42, 48, 56), утверждавший также, что сам Катилина даже в случае победы не смог бы воспользоваться ее результатами. Плебс в целом не сочувствовал Катилине (Cat. 39), не говоря уже о сословиях сенаторов и всадников. В «партию» Катилины кроме ближайшего ему аристократического окружения входят бывшие ветераны Суллы (Cic., c. Cat. II, 9; Sall., Cat. 16 28; Plut., Cic. 14) и некоторая часть деклассированных элементов (Sall., Cat. 14; Cic., c. Cat. II, 9). Италия также в целом не встала на сторону катилинариев, восстание удалось локализовать в Этрурии. Наконец, последним аргументом в этой связи служит малочисленность армии Катилины при Пистории. Вообще источники указывают, что Катилина стремился скорее захватить власть, чем произвести демократические реформы (Sall., Cat. 5; App., Bell. civ. II, 4; Plut., Cic. 10); интересно, что, отправляясь в Этрурию к Манлию, вождь заговорщиков берет с собой эмблемы высшей власти (Sall., Cat. 36). Честолюбивые

намерения имелись и у ближайших соратников Катилины: достаточно вспомнить распространившийся слух о трех Корнелиях (Sall., Cat. 47; App., Bell. civ. II, 4). Едва ли также можно согласиться со Стоктоном в оценке роли Красса и Цезаря в заговоре Катилины: их участие автор явно преувеличивает (стр. 100, 102, 103, 136). Если можно еще говорить об их связи с катилинариями во время первых заговоров (в случае, если таковые вообще существовали), то на последнем этапе Катилина был слишком дискредитирован. Более того, по версии Плутарха, Красс был одним из тех, кто выдал заговорщиков.

Интересна глава VII («Consularis»), охватывающая период с 62 по 59 г. до н. э., в которой Стоктон, подробно излагая факты, пытается дать общую оценку политических взглядов Цицерона, в целом сформировавшихся еще в начальный период его карьеры. Уже во время процесса Росция Цицерон был противником гражданских войн и диктатуры в любом ее проявлении (стр. 9—11). Стоктон отмечает, что Цицерон «стоял за гарантию прав собственности, правления закона, свободной деятельности римских институтов; он был против господства (*dominatio*) одного или группы лиц. Он видел недостатки в существующем положении нации, но предпочитал его тому, в чем он видел единственно возможную альтернативу — абсолютному правлению» (стр. 166). Следующие главы VIII и IX («Ссылка» и «Капитуляция») касаются борьбы Цицерона с Клодием, первого триумвирата и политической борьбы в Риме во время галльских войн Цезаря (59—51 гг.). Стоктон, как и большинство исследователей, считает этот период закатом политической карьеры Цицерона. Уже после ссылки, несмотря на блестяще обставленное возвращение, Цицерон теряет свои позиции и, совершив принципиальную ошибку в недооценке возможностей триумвиров и прочности их союза, вынужден в конечном счете смириться. Именно в это время он принял новую роль «Цицерона-реалиста», все более становящегося на позиции стороннего наблюдателя (стр. 211). На этих позициях он и остается вплоть до весны 44 г. Глава X («Киликия») содержит рассмотрение проконсульства Цицерона в Киликии. Касаясь переписки Цицерона с Целием Руфом, Стоктон обращает внимание на одно из писем Целия, бывшего в то время эдилом. Целий просит Цицерона прислать ему 10 пантер. «Это дело с пантерами самое обычное, — замечает Стоктон, — но оно ярко иллюстрирует один из способов, каким провинциальный правитель мог помогать своим друзьям в Риме» (стр. 230). Касаясь провинциального управления в целом, автор отмечает, что порочной была не система римского провинциального управления в принципе, но метод ее применения. Использование существующих наказаний и способов давления на наместников провинций зависело не от вины или невинности конкретного лица, а скорее от занимаемого им в данный момент политического положения (стр. 232). В этой же главе имеется ряд небольших, но интересных замечаний. Одно из них касается отношений между Цицероном и группой так называемых *boni*. Стоктон справедливо считает, что Цицерон отнюдь не идеализирует эту группировку; напротив, многих из них он не любил и презирал, но к началу гражданской войны Цицерон был поставлен перед выбором, и эти *boni* казались ему меньшим злом по сравнению с Цезарем (стр. 245). Другое замечание касается Брута. По мнению Стоктона, «Саламинское дело» дает достаточно оснований для отказа от весьма популярной в историографии и публицистике идеализации образа Брута (стр. 238—241).

Прежде чем перейти к рассмотрению трех последних глав книги, остановимся на характеристике, которую автор дает Помпею. Стоктон, отходя от распространенной тенденции в историографии, недооценивающей роль Помпея как политического деятеля, отмечает, что быстрое возвышение Помпея, его успехи в 60-х годах, наконец, то, что на встрече в Луке (56 г.) он добился больших успехов, ведя переговоры с Цезарем (стр. 208), могут послужить опровержением этого мнения. Глава XI («Гражданская война») касается позиции Цицерона во время гражданской войны. Вначале он был на стороне Помпея, однако победа последнего страшилась его не меньше, чем победа Цезаря (стр. 258). Помпеянцы, со своей стороны, встретили его весьма холодно (стр. 260). В октябре 48 г. Цицерон возвращается в Италию; в 47 г. он примиряется с Цезарем, так и не став его сторонником; в 45 и 44 годы заметное усиление автократи-

ческих черт у Цезаря настораживает Цицерона (стр. 277); после убийства Цезаря Цицерон поддержал заговорщиков. В главах XII и XIII («Adsum igitur» и «Власть и человек») автор со свойственной ему скрупулезностью рассматривает события последнего года жизни Цицерона и подводит итог всей его деятельности. Касаясь причин последнего политического выступления Цицерона, Стоктон обращается к рассмотрению психологических мотивов, что представляется нам весьма интересным. По его словам, Цицерон являл собой «любопытное смешение пороков и добродетелей, силы и слабости. Вызывающая презрение жалость к себе и забота о собственной жизни, порожденные горьким опытом, и проблески реализма были смешаны с необычайным сомнением и возбужденностью, а также сознанием высшего долга, которые могли привести его к отважным, часто безрассудным действиям» (стр. 297). Это своеобразное сочетание понятия долга и жажды славы, полагает Стоктон, побудило Цицерона вернуться к активной политической деятельности.

Обращает на себя внимание оговорка Стоктона относительно общей оценки карьеры Цицерона, а именно предостережение автора о слишком прямолинейном использовании в этой связи слова «неудача», которое применимо здесь только в самом широком смысле (стр. 333). Не следует забывать, что он добился высших должностей в крайне неблагоприятных для такого успеха условиях. Нотум повус стал, хоть и на короткое время, одним из вершителей судеб республики. Справедливо отмечает автор и тот факт, что Цицерон был первым «новым человеком», получившим консульство suo anno.

В заключение отметим, что солидное просопографическое исследование Д. Стоктона, включающее множество интересных, хотя подчас и весьма спорных, замечаний, написано хорошим языком и воссоздает образ человека, быть может, «наиболее хорошо нам известного из всей античности» (стр. 333).

А. Б. Егоров